

РУССКИЙ СЛЕНГ В ЯЗЫКЕ ГОРОДА КИЕВА

Л. А. Кудрявцева

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев (Украина)

Resumen

En presente artículo se trata del problema actual del funcionamiento de la jerga rusa en la lengua comunicativa de la ciudad de Kiev, se analizan diferentes tipos de jerga y su función expresiva. La importancia de este estudio está relacionada con un fenómeno de la vida actual: la jerga se ha convertido en una zona limítrofe entre la lengua literaria y la vulgar, y es utilizada por los poéticos, artistas, intelectuales etc. Los resultados de la investigación son ilustrados con múltiples ejemplos.

Palabras clave: сленг, жаргон, просторечие, литературная норма.

Abstract

En presente artículo se trata del problema actual del funcionamiento de la jerga rusa en la lengua comunicativa de la ciudad de Kiev, se analizan diferentes tipos de jerga y su función expresiva. La importancia de este estudio está relacionada con un fenómeno de la vida actual: la jerga se ha convertido en una zona limítrofe entre la lengua literaria y la vulgar, y es utilizada por los poéticos, artistas, intelectuales etc. Los resultados de la investigación son ilustrados con múltiples ejemplos.

Palabras clave: сленг, жаргон, просторечие, литературная норма.

Одним из заметных процессов развития русского языка конца XX – начала XXI века является активизация внутреннего заимствования, когда лексико-фразеологические единицы языковой периферии, к каковой мы относим и различные виды сленга, все активнее используются горожанами – носителями литературной нормы. Этот процесс поддерживается электронными, а еще в большей степени – печатными средствами массовой информации, которые в современных условиях все более ориентируются на разговорность и диалогичность. Именно из СМИ мы узнаем, что известный актер и режиссер Олег Табаков испытывает «*кайф* от своего успеха и успеха своих учеников», известный виолончелист Юрий Башмет, рассказывая о том, как Гергиев дирижировал зубочисткой, отмечает, что тот при этом «*не выпендривался*», Президент России В. Путин грозитя кого надо «*мочить в сортире*», а Президент Украины В. Ющенко определяет место своих политических оппонентов «*у параши*» и более того – во время телемоста с американского континента, объявляя в прямом эфире об отставке премьера, *посылает* свою политическую соратницу Ю. Тимошенко ...*с пляжа* (носителям уголовного жаргона известен сей фразеологизм в полном виде с табуированной лексемой).

В 2005 году в Калининграде (Россия) выходит из печати учебное пособие «Русский ”тусовочный” как иностранный», авторы которого – Татьяна Шкапенко и Фридрих Хюбнер, рецензенты – профессора В. Заботкина, Базилевский и Клаус Хортенштайн (Гамбургский университет). Интерес к этому пособию китайских студентов-филологов, обучающихся в магистратуре Киевского университета, огромен, т. к., по их мнению, оно дает возможность познакомиться с реальным языком города.

Именно язык города еще в 20-е годы XX столетия профессор Ленинградского университета, известный лексикограф и диалектолог Б. А. Ларин определяет как «третий круг языковых явлений» (Ларин 1977: 178), который наряду с другими языковыми сферами (литературным языком и крестьянскими диалектами) нуждается в самом что ни есть пристальном изучении. И прежде всего по той причине, что городской фольклор, неканонизированные виды письменного языка, разговорная речь разных социальных групп городского населения оказывают непосредственное и

огромное влияние на нормативный литературный язык, на его «высокие» сферы. Элементы городской речи оказывают большое влияние и на язык средств массовой информации, который в свою очередь приобрел в современном обществе и соответственно в процессах развития языка такую значимость, что позволила Ю. Н. Караулову высказать глубокое убеждение в том, что говоря о языке СМИ, мы можем говорить об иной языковой модели, отличной от общелитературного языка (Караулов 2001).

Говоря о языке современного города, мы хотим обратить внимание прежде всего на социолекты, обслуживающие различные группы горожан, и городское просторечие. Среди многочисленных социолектов особо следует выделить по масштабу, значимости и степени влияния на общезыковую ситуацию в Киеве **м о л о д е ж н ы й с л е н г** (Кудрявцева, Приходько 2006; Приходько 2006), языковая база которого чрезвычайно разнообразна: это и **я з ы к х и п п и** (*герла* 'девушка', *мэн* 'мужчина', *крэзануться* 'сойти с ума', *крэзи* 'сумасшедший'), и **ж а р г о н н а р к о м а н о в** (*машина* 'шприц', *морфуша*, *морфушка* 'морфий', *нюхач* 'токсикоман', *косяк* 'сигарета с анашой', *колеса* 'таблетки наркотического действия', *компот* 'наркотическое вещество из головок мака'), и **у г о л о в н ы й ж а р г о н** (*мусор* 'милиционер', *ксива* 'документ', *капуста* 'деньги', *котлы* 'наручные часы'), и **с л е н г м у з ы к а н т о в** (*лажа*, *лажать* 'плохо играть', *лабух* 'музыкант', *клевый* 'хороший', *клево* 'хорошо', *рокер* 'исполнитель или поклонник рок-музыки', *рэпер* 'исполнитель или поклонник рэпа'), и собственно **м о л о д е ж н ы е с л е н г и з м ы** (*патик* 'о людях старшего поколения', *шнурки* 'родители', *комок* 'комиссионный магазин' и др.).

Значительное место по степени распространенности за пределами своей социальной группы занимает **ж а р г о н д е к л а с с и р о в а н н ы х э л е м е н т о в** (уголовный жаргон, феня, «блатная музыка») – в наибольшей мере собранный и описанный в лингвистической литературе (Грачев 1997): это такие единицы, как *мочить в сортире*, *параша*, *шестерка*, *бригадир*, *качок*, *мент*, *ментура*, *кидала*, *брателло*, *братан*, *пацан* и т. д.

В меньшей степени на общезыковую ситуацию влияют другие виды корпоративного сленга: **с л е н г ф у т б о л ь н ы х ф а н а т о в** (*аборигены* 'местное население', *вписаться* 'сесть в поезд', *выписка* 'высадка из поезда за безбилетный проезд', *гроб* 'багажное отделение под нижней полкой в поезде', *контра* 'контролер', *махач* 'драка', *пердь*, *пердявка* 'населенный пункт или небольшой городок', *розетка*, *роза* 'шарф клубной расцветки', *собака* 'пригородный электропоезд' и др.) (Сленг футбольных фанатов 2006), **с л е н г х и п п и** (или системный сленг) (*аквариум*, *обезьянник* 'скамья в отделении милиции для задержанных', *аршин* 'стакан', *аск* 'попрошайничество, сбор милостыни', *аскать* 'попрошайничать, просить деньги у прохожих', *бездник* 'день рождения', *глюк* 'галлюцинация', *гнать* 'нести чепуху' и др.), **с л е н г р о к е р о в** (*ишак* 'мотоцикл', *козлить* 'поднимать переднее колесо на ходу', *макака* 'мотоцикл «Минск»') и др.

Среди различных видов профессионального сленга (устной неофициальной речи специалистов в той или иной сфере деятельности) наиболее динамично развивается **б и з н е с - с л е н г** (*безнал*, *безналичка* 'безналичные деньги', *карман* 'человек, обладающий хорошим положением в обществе', *ксернуть*, *отксерить* 'отксерокопировать', *накрутка* 'наценка', *нал*, *наличка* 'наличные деньги', *простыня* 'присланные по факсовому аппарату документы в большом количестве', *простынять* 'отправить по факсовой связи большое количество документов', *ручник*, *мобилка* 'мобильный телефон', *челнок*, *шопник* 'о людях, занимающихся мелкой торговлей и покупающих свой товар за границей' и др.) – собранный и описанный в курсовой и бакалаврской работах Н. Туркиян киевский бизнес-сленг насчитывает 160

наименований – и компьютерный сленг (*чайник* 'начинающий пользователь компьютера', *камни* 'оперативная память компьютера', *капуста*, *клюшка*, *козявка*, *краказабка* 'символ @', *клава*, *клавир*, *кея*, *киборд* 'клавиатура', *дума* 'игра DOOM', *думать* 'играть в DOOM', *комп*, *комплюхтер* 'компьютер' и т. д.) – в нашей картотеке представлено около 300-х единиц компьютерного сленга. Кроме этого, мы располагаем Кратким словарем ФИДОВОГО диалекта (автор – Никита Зыков), который распространен в сети ФидоНет (более 400 ед.); в нем зафиксированы как сленговые единицы, так и официальные термины.

Профессиональный сленг выступает экспрессивными синонимами к специальным словам и терминам.

Традиционное представление просторечия как малограмотной речи необразованных людей, языковой основой которого выступают диалекты, не покрывает всего функционального разнообразия нелитературного языка, живых форм его существования, определяющих языковую жизнь современного города. Наблюдения устной городской речи в конкретных коммуникативных ситуациях (транспорт, рынок, парикмахерская, семья, государственное учреждение и др.) дают основания к более широкому толкованию просторечия, которое включает в себя все то, что не соответствует культурному языковому стандарту, эталонности, образцовости языка, а следовательно, и общелитературности. Исследуя собранный студентами-филологами Киевского университета языковой материал (фрагменты живой звучащей русской речи в указанных коммуникативных ситуациях), мы сделали попытку структурировать его, выделив таким образом две группы номинативных единиц, которые по сути являются двумя принципиально отличающимися подсистемами национального языка или двумя видами просторечия: социальным и функционально-стилистическим.

Социальное, или собственно просторечие в традиционном (узком) понимании, свойственно в целом недостаточно образованным людям и заключается в тех или иных нарушениях литературных норм: произносительных, лексических, грамматических.

Ненормативные разноуровневые элементы социального просторечия противопоставлены соответствующим нормативным единицам общелитературного языка. Исследователи называют эту разновидность «внелитературным просторечием» (Филин 1973; Капаназде 1984), носителями которого являются люди определенного социально-культурного статуса, как правило, с низким уровнем образования, обычно пожилого возраста, часто не городского происхождения. Изучение речи киевлян позволяет отметить тенденцию к сужению социальной базы просторечия в его старом традиционном понимании. В то же время наблюдается расширение базы противоположного ему типа просторечия – функционально-стилистического, единицы которого, как отмечал еще в 70-х годах XX ст. академик Ф. П. Филин, несут высокую эмоционально-оценочную нагрузку и могут быть употреблены в «подходящей ситуации любым образованным человеком» (Филин 1973).

На существование двух разновидностей просторечия в русском языке наших дней обращают внимание и другие исследователи (Капаназде 1984; Бондалетов 1987; Крысин 1989; Химик 2000 и др.). Однако взгляды лингвистов на просторечие-2 расходятся практически по всем позициям. Особенности просторечия-2, его структурные составляющие мы рассматривали в ряде своих работ (Кудрявцева 2001а; Кудрявцева 2001в; Кудрявцева, 2005а; Кудрявцева 2005б; Кудрявцева 2005с). Сейчас мы хотим обратить внимание исследователей на третий пласт просторечия-2 – так называемое «новое просторечие», которое представляет собой обширную группу нестандартных лексико-фразеологических единиц, постоянно пополняющихся за счет различных социолектов. Эти единицы, выходя за пределы своей исконной сферы бытования – профессионального и корпоративного (группового) сленга, приобретают

статус общеизвестности и употребительности широкими кругами носителей общелитературного языка, не ограниченными определенными социальными рамками (возраст, профессия, уровень образования, общие интересы и др.), то есть, по сути, перестают принадлежать исключительно социолектам. Речь идет о таких номинативных единицах, как *бабки*, *балдеть*, *достать* (кого-либо), *задолбать* (кого-либо), *крутой*, *лапу на уши вешать*, *мент*, *дать на лапу*, *на шару*, *облом*, *примочка*, *по барабану*, *прикол*, *прикольный*, *прикольнo*, *разборки*, *тащить*, *тугрики*, *тусовка*, *тусоваться*, *тусовочный*, *фигня* и под. (Ср.: *Менту бы дал на лапу*, вот и все. – Татьяна Толстая, писатель. – НТВ, программа «Школа злословия», 17.10.05; *Полный атас*. – А. Н. Пахомов, академик НАН Украины. – Из устной речи, 18.10.03).

Исследователи определяют подобные образования как «жаргонизированные» (Мокиенко, 1995), «сленгово-просторечные, социализированные» (Химик, 2000), «общий жаргон» (Ермакова, Земская, Розина, 1999). Мы предпочитаем использовать для обозначения данного языкового явления термин «общий сленг» (Кудрявцева 2001б; Кудрявцева 2002а; Кудрявцева 2002б; Кудрявцева 2004; Kudryavtseva 2005в), поскольку это, с одной стороны, позволяет отграничить рассматриваемые в рамках городского просторечия общенародные неcodифицированные лексико-фразеологические единицы от корпоративного и профессионального сленга, которые справедливо определяются Л. П. Крысиным как языковые образования, основанные на социальном обособлении людей (Крысин 1989). А с другой стороны, термин «сленг» предпочтителен тем, что не отягощен коннотацией (негативной оценочностью), которая присуща термину «жаргон» и его производным (о чём свидетельствует проведённый автором опрос филологов).

Общий сленг – явление в русском языке новое, формирующееся, не имеющее общепринятого терминологического обозначения и целостной, непротиворечивой теории. Исследования в этом направлении только начинаются. Но уже можно говорить о том, что общий сленг – это 1) относительно устойчивый для определённого периода, широкоупотребительный, стилистически маркированный (сниженный) пласт экспрессивно-эмотивной лексики, обозначающей бытовые явления, предметы, процессы и признаки; 2) не детерминированный социальными параметрами компонент городского просторечия, источником которого являются самые разнообразные социолекты (в наибольшей мере – молодёжный сленг и уголовный жаргон); 3) неоднородный по степени приближения к литературному стандарту; 4) использующийся говорящими преимущественно для выражения своих чувств и оценок, связанных с предметом речи, а также в качестве элемента языковой игры.

Важность и необходимость изучения общего сленга обусловлена тем, что это образование на сегодняшний день выступает пограничной зоной в плоскости «просторечие – литературный язык», и, по нашим прогнозам, часть слов общего сленга со временем может получить статус общелитературности. Следовательно, необходимо разработать чёткую систему критериев выделения единиц общего сленга из многообразия нелитературной лексики русского языка.

Следует признать, что всесторонне обоснованной системы критериев отнесения нестандартных языковых единиц к общему сленгу в русистике не существует. Исследователями лишь указываются отдельные признаки, по которым тот или иной сленгизм может быть причислен к общему сленгу. Например, авторы Толкового словаря русского общего жаргона «Слова, с которыми мы все встречались» О. П. Ермакова, Е. А. Земская и Р. М. Розина считают доказательством принадлежности слов к «общему жаргону» «употребление этих слов в прессе, ориентированной на широкую аудиторию». По словам авторов, «обязательным условием включения слова в словарь было его употребление в языке таких газет, как «Известия», «Новые известия», «Литературная газета», «Сегодня», «Независимая

газета» (Ермакова, Земская, Розина 1999: 4). Однако мы считаем факт использования сленгизма в печатных СМИ недостаточным для соотнесения слова с понятием общего сленга. Анализ публикаций, размещённых в популярных украинских информационных изданиях, выходящих на русском языке, таких как «День», «Аргументы и факты в Украине», «Сегодня», «Вечерние вести», «Комсомольская правда – Украина», «Газета по-киевски», «Факты и комментарии», «Московский комсомолец в Украине», «2000» (рассчитанное на просвещённую читательскую аудиторию), а также в элитарном «Зеркале недели» показал, что наряду со сленговой лексикой широкого употребления (*балдѣж, безнал, беспредел, выпендриваться, достать, заказать* кого-либо, *кидала, классный, козырный, крутой, лохотрон, мочить* кого-либо, *навороты, наезд, нал, прибамбасы, продвинутый, разборка, светиться, тащиться, тусовка, фишка, шара* и т. п.) на страницах этих газет присутствуют и лексические единицы, как правило, ограниченные своей специфической функциональной сферой. Это могут быть названия реалий и понятий, особо актуальных для какого-нибудь закрытого социолекта (например, милицейского и уголовного – *важняк, висяк, наружка, прослушка, ксива*; музыкального – *драйв, драйвовый, фест, саунд, джем, микишировать*; наркоманского – *ширяться, кумар, приход, драп, трам, ганджа, ималь, джеф, кокс*; армейского – *салага, молодой, фазан, годок, черпак*; молодёжного – *голимый, плющить, колбасить, крейзовый, колдырить*; компьютерного – *апгрейдить, аська, винда, глюкавый, зазиповать, логи, комп* и т. п.). Приведём некоторые примеры:

– Во времена моей молодости такого не было. А сейчас полно молодёжи, курящей «*драп*». Коноплю выращивают сами, а потом курят. (*Вечерние вести*, 3.03.05);

– С *драйвом* пели ребята, от всего сердца (газета «2000», 4.03.05);

– Градация *салага – молодой – фазан* (он же *годок* или *черпак*, в зависимости от местных традиций) – *дед – дембель* соблюдалась неукоснительно. (*Газета по-киевски*, 11.02.05);

– Часть профи присваивают себе исключительное право толкования бытия, и вот тебе уже невыразимо стыдно за неумение правильно написать слово «*тiвно*» или «*запатчить системную дыру в глюкавой винде*» (*Зеркало недели*, 19.02.05).

(Из картотеки В. Гордиенко)

Таким образом, нельзя утверждать, что фиксация сленговой лексики в текстах СМИ является бесспорным маркером общего сленга, как и нельзя отрицать того, что функционирование сленговых единиц в средствах массовой информации расширяет границы употребления элементов различных социолектов и способствует их вхождению в общее употребление.

Массмедийная коммуникация (применительно к сленгу) – лишь отражение живой устной речи, именно последняя является исконной средой формирования и существования любых некодифицированных элементов, в том числе и общего сленга: здесь он зарождается, живёт, развивается, теряет те или иные свои единицы, приобретает новые за счёт заимствования из других языковых сфер и внутреннего словотворчества. (Ср.: по мере освоения общелитературным языком слова *тусовка* и его производных *тусовочный, тусоваться, тусовщик, тусовщица* в молодёжном сленге, откуда это слово стало продвигаться в общее употребление (в том числе и за счёт массмедийных текстов), появились новые образования с более выраженной экспрессивностью *тусня, тусняк* (аналогично: *на шару – на шарик*). Более надёжным критерием выделения единиц общего сленга как части городского просторечия следует признать использование этих единиц в неофициальной, бытовой речи носителей литературной нормы, принадлежащих разным социальным группам (профессиональным, возрастным и др.). Особенно ярко это обнаруживается во внутрисемейной коммуникации, где они, в отличие от специального сленга

(профессионального и корпоративного), не выполняют идентификационной, демонстративно-аттрактивной или криптологической функций (характеризующих последний), а выступают эмоционально-экспрессивными единицами, целью использования которых является желание разнообразить свою речь ярким, выразительным словом, содержащим эмоции, оценки говорящего:

1. Бабушка (76 лет).

– Эти все депутаты *косят* под Путина.

– Тася (собаке), *сдрыгни* отсюда.

(ноябрь, 2004 г.)

2. Мама (49 лет).

– Меня уже *задолбал* ваш *телик*!

– (дочери) Убери вот эти *прикольчики* с шеи – слишком *понтово* смотрятся.

(ноябрь, 2004 г., записала И. Дубчак)

Можно предположить, что влияние молодежного сленга на бытовую речь горожан старшего возраста происходит прежде всего во внутрисемейной коммуникации. Ср.:

1. Внучка, 15 лет:

– Бабушка, когда уже *хавать* будем?

Бабушка, 75 лет:

– Где-то через час. (Прошел час.)

Бабушка:

– Ната, иди *хавать*!

(июль, 2004 г., записала А. Щербина)

2. Отец (55 лет, образование высшее техническое):

– А ты чего сегодня дома? *Кайфуешь* перед телевизором?

Дочь (18 лет, студентка-филолог):

– Все зачеты сдала. Теперь *кайфую*.

(март, 2004 г., записала Т. Гончарук)

В устной речи горожан единицы общего сленга часто используются в качестве элементов языковой игры:

1. Наталья (48 лет, психолог):

– (налила собаке воду, и та с жадностью бросилась пить) Такой *сушняк* сегодня напал на собачку!

(ноябрь, 2004 г., записала И. Дубчак)

2. В университете. Студент:

– Скажите, пожалуйста, как переводится слово «controversial»?

Преподаватель (шутливо):

– Ну, как Вам сказать? Это что-то вроде – одним *клёво*, а другим – нет.

(май, 2005 г., записала О. Яцына)

Довольно часто единицы общего сленга позволяют выразить отрицательные эмоции говорящего и некоторым образом снять эмоциональное напряжение, раздражение:

Муж (48 лет, образование высшее, техническое):

– Слушай, не *доставай* меня, что ты ко мне прилепилась! Я же ясно сказал: Не хочу там больше работать, меня все *задрало*. Немного *перекантуюсь* дома, пока найду новую работу.

Жена (46 лет, высшее гуманитарное образование):

– Ну, смотри, как хочешь, тебе видней. Засядь дома, начни еще *квасить* здесь, меня до ручки доводить.

(апрель, 2004, записал А. Северин)

Кроме отрицательных эмоций, сленговые единицы позволяют выразить и положительные эмоции говорящих:

Муж (48 лет, высшее техническое образование):

– Ты только подумай, сколько я *бабла* в этом месяце принес!

Жена (45 лет, высшее гуманитарное образование):

– Ну, ты, конечно, молодец!

Дочь (21 год, студентка) (смеясь):

– *Гони* мне *бабло* на *шмотки*!

(май, 2005 г., записала О. Яцына)

Особенностью общего сленга является широкое использование его составляющих в обиходной речи представителей разных социальных групп, в том числе – имеющих высшее образование, как техническое, так и гуманитарное: А – женщина, 48 лет, высшее филологическое образование, Б – женщина, 43 года, высшее техническое образование.

А: Ну, что, нашла работу?

Б: *Глухо, как в танке*. Ничего не могу найти.

А: Так у тебя же автомобиль есть. Найди хорошего *водилу* и сдай в аренду машину.

Б: Нет надежного человека.

А: Ладно *рассуоливать*! Рассказываю, как дело делается: залазишь в инет (мой сын так себе *крутую* работу нашел) на сайт *rabota*. Там не то, что *водилу*, там самоуправляющийся автомобиль найти можно!

Б: Да я уже и это пробовала – мрак, в такси никто идти не хочет.

А: А, ну так *таксерить* не каждый захочет, это правда. Оформи себе частное предпринимательство.

Б: Особенно сейчас, когда Юлька [премьер-министр Ю. Тимошенко – авт.] предпринимателей совсем *задрала*!

А: Да, слушай, с моей приятельницей такое случилось! В первом туре выборов я за Янука голосовала, так она со мной даже не разговаривала, дулась ходила. Они же с мужем за Ющика в палатках сидели – боролись за *демокрадию*. В результате весь его бизнес, доходы – все арестовано, а сам он под следствием.

Б: Ага, сидели-сидели и высидели! Одни *бандюки* сменили других.

А: Не говори! Думаю, хорошо, что сын успел в Америку *чухнуть*!

(май, 2005, записала Н. Василенко)

Использование элементов общего сленга перестало быть редкостью в публичной речи политиков, официальных лиц, авторитетных филологов, которых принято считать кодификаторами русского языка:

– Я таких *заморочек* не видела ни в одной стране мира! (Л. Слиска, зампредседателя Госдумы РФ о нарушениях на президентских выборах в Украине – *РТР, программа «Вести», 27.12.04*);

– Мы платим и должны получать качественный товар. Вместо него вы [метеорологи – авт.] даете нам, извините за непарламентское выражение, *туфту*! (Ю. Лужков, мэрг. Москвы. – *РТР, программа «Вести недели», 27.02.05*);

– Мы не подвели итоги XX века. Серьезных исследований нет, а *лабуды* достаточно (М. Чудакова, профессор ИМЛИ. – *РТР, программа «Тем временем», 28.10.05*) и под.

(из картотеки В. Гордиенко)

В приведенных примерах обращает на себя внимание тот факт, что только в одном из них (в речи Ю. Лужкова) употребление ненормативной сленговой единицы сопровождается метаязыковым комментированием, так называемым рефлексивом («извините за непарламентское выражение»), позволяющим отграничить употребление ненормативной единицы от нормативной речевой зоны. Во всех остальных случаях, особенно в неофициальной устной речи рефлексивы, а следовательно, и маркеры ненормативности отсутствуют. Здесь уместно привести

рассуждения о нормативности / ненормативности И. Т. Вепревой (со ссылкой на исследование В. Н. Телии русской фразеологии). Если отступления от языковой нормы (ненормативность) создает факторы напряжения, то нормативность – напротив – «такое употребление языкового знака, при котором он может быть адекватно и единообразно понят коммуникативным партнером» (Вепрева 2002: 105). В этом контексте единицы общего сленга в неформальном межличностном общении могут наверное оцениваться в качестве вполне нормативных, поскольку наряду с общелитературными словами обеспечивают понимание при коммуникации независимо от принадлежности коммуникантов к той или иной социальной группе (см. приведенные выше примеры). Стилистическая нейтральность таких сленгизмов не создает коммуникативного напряжения, а всё высказывание с такими единицами не обладает особой, яркой экспрессивностью. Ср.:

В электропоезде. Мужчина (40 лет):

– Слушай, а как это ему удалось от армии *откосить*? Говорил, нет *бабла* вообще, а тут как скрутило, то нашлось.

Мужчина (42 года):

– Та у них же там *крыша* есть, не зря ведь ездили в Киев недавно. Только зачем же так *темнить*, я же не пойду *стучать* – оно мне надо?

(март, 2005, записал Л. Северин)

Остается открытым вопрос о нормативности описываемых единиц в публичной коммуникации, где признанные языковые стандарты позволяют ещё сдерживать в той или иной мере экспансию ненормативной просторечной лексики и фразеологии.

Однако нельзя забывать и о том, что сленговые слова и выражения являются потенциальными источниками обогащения общелитературного языка. В свое время академик Л. В. Щерба, говоря о месте жаргонизмов в Большом академическом словаре, проект которого обсуждался на заседании Отдела литературы и языка АН СССР, сказал: «Мы здесь читаем о том, что в Словарь не включаются окрашенные, сниженные синонимы литературных слов, также слова узкоинтимного употребления и арготизмы, например: *слямзить*, *стремить*, *налимониться*, *шамать*. Слово *стремить* – малоизвестное, но вот *налимониться* – очень широко распространено, оно очень часто встречается. И если речь идет о том, чтобы его вычеркнуть, то я боюсь, что придется очень много слов вычеркнуть. И у меня вызывает опасение, как бы наш Академический словарь не пошел по тому же самому пути, по которому пошел в свое время словарь Французской академии, который на несколько столетий задержал развитие французского языка. Мне просто страшно делается при такой мысли. Я считаю, что совершенно не следует так просто выхолащивать русский язык, нельзя подходить в данном случае только со своей узконормативной, академической точки зрения» (Стенограмма 1983).

Эти слова Л. В. Щербы, прозвучавшие в 1939 году, чрезвычайно актуальны и сегодня, когда мы наблюдаем небывалые изменения в русской речи, особенно в массмедийных её формах, когда не только лингвистическое сообщество озабочено судьбой русского языка и когда нам, лингвистам, необходим взвешенный, научно обоснованный подход в оценках тех или иных фактов языковой действительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВЕПРЕВА, И. Т. (2002): *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Издательство Уральского государственного университета им. А. М. Горького, Екатеринбург.
- ГРАЧЁВ, М. А. (1997): *Русское аргю*. Издательство Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, 1997.
- ЕРМАКОВА, О. П., ЗЕМСКАЯ, Е. А., РОЗИНА, Р. И. (1999): *Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь общего жаргона*. Азбуковник, Москва.
- КАПАНАДЗЕ, Л. А. (1984): «Современное городское просторечие и литературный язык». В кн.: *Городское просторечие: проблемы изучения*. Наука, Москва, с. 5–12.

- КАРАУЛОВ, Ю. Н. (2001): “Язык СМИ как модель общенационального языка”. В кн.: *Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования*. Издательство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, с. 15–18.
- КРЫСИН, Л. П. (1989): *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*. Наука, Москва.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2001а): “Русское городское просторечие: Киев – 2000”, *Русистика*, 1, с. 4–9.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2001б): “Роль газетной коммуникации в формировании общего сленга в современном русском языке”. В кн.: *Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования*, Издательство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2001в): “Русский язык на Украине: русское городское просторечие конца XX ст.”. В кн.: *Русский язык: исторические судьбы и современность*, Издательство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2002а): “Общий сленг в русском языке”. В кн.: *Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования*, ИПЦ «Киевский университет», Киев 2002, с. 198–202.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2002б): “Формирование общего сленга в русском языке и отражение этого процесса в СМИ”. В кн.: *В пространстве филологии*, ООО «Юго-Восток, Лтд», Донецк, с. 111–117.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2004): “Живая речь – язык СМИ – общелитературный язык: аспекты взаимодействия”. В кн.: *Актуальные проблемы вербальной коммуникации: Язык и общество*, ИПЦ «Киевский университет», Киев, с. 61–65.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2005а): “Новое русское просторечие”. В кн.: *Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках*, Днепропетровск.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2005б): “О новом русском просторечии и его месте в системе национального языка”, *Русский язык, литература, культура в школе и вузе*, 1, с. 44–48.
- KUDRYAVTSEVA, L. (2005в): “The impact of Mass Media on the Formation of General Slang in Modern Russian Language”, *Amades*, 2, pp. 287–296.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2005с): “Киевская городская речь: просторечие и общий сленг”. В кн.: *Русский язык и литература. Проблемы изучения и преподавания в школах и высших учебных заведениях Украины*, ИПЦ «Киевский университет», Киев, с. 194–197.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А., ПРИХОДЬКО, И. Г. (2006): *Словарь молодежного сленга города Киева*. Издательский дом «Аванпост-Прим», Киев.
- ЛАРИН, Б. А. (1977): “О лингвистическом изучении города”. В кн.: Ларин Б. А. *История русского языка и общее языкознание*, Просвещение, Москва, с. 175–189.
- МОКИЕНКО, В. М. (1995): *Словарь бранной лексики. Матизмы. Обсценизмы. Эвфемизмы*. Dieter Lenz Verlag, Berlin.
- ПРИХОДЬКО, И. Г. (2006): *Русский молодежный сленг Киева (конец XX – начало XXI вв.)*. Дисс. ... канд. филол. наук. Киев.
- Сленг футбольных фанатов (2006): Сленг футбольных фанатов. Приложение. В кн.: Кудрявцева Л. А., Приходько И. Г. *Словарь молодежного сленга города Киева*, Издательский дом «Аванпост-Прим», Киев, с. 175–181.
- Стенограмма (1983): Стенограмма заседания ОЛЯ АН СССР от 26.05.1939 г. В кн.: *Современная русская лексикография. 1981*, Наука, Москва, с. 156–157.
- ФИЛИН, Ф. П. 1973: “О структуре современного русского литературного языка”, *Вопросы языкознания*, 2, с.
- ХИМИК, В. В. (2000): *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*. Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.